

М.Ю. Мартынов

Московский педагогический государственный университет

Пространственная семантика концепта *власть* в русской политической культуре

Аннотация: В статье рассматриваются пространственные характеристики *власти* в контексте русского политического дискурса. Анализируется оппозиция «*правое – левое*», показывается ее роль в формировании ориентационных предпочтений *русской власти*.

The paper discusses the spatial characteristics of the power in the context of the Russian political discourse. It analyses the opposition «right – left», and shows its role in the formation of orientation preferences of the Russian power.

Ключевые слова: власть, русская власть, пространство, правое, левое, миф, сакральное.

Power, Russian power, space, right, left, myth, sacral.

УДК: 81

Контактная информация: Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1. МПГУ, кафедра русского языка. Тел. (8352) 681873. E-mail: golossa@gmail.com.

Функционирование концепта *власть* в русской культуре предполагает широкие семантические горизонты. Многомерность концептуального существования *власти* обусловлена, с одной стороны, особенностями ее функционирования в политическом дискурсе, где власть осмысливается преимущественно в связи с государственной властью. С другой стороны, очерчивание семантических пределов *власти* всякий раз наталкивается на смысловую незавершенность человеческих взаимоотношений в целом, немислимых без отношений власти.

О многообразии семантического поля концепта *власть* в русской культуре уже писали отечественные исследователи. Например, Валерий Прозоров, исследуя семантические особенности *власти* на материале фольклора и русских художественных текстов, отмечает ее нечеткую смысловую множественность [Прозоров, 2003]. Учитывая масштабность заявленной темы, настоящая работа имеет цель выявить только некоторые семантические особенности пространственной определенности *власти* в русской политической культуре.

Для начала отметим, что в истории образования русской государственности концепция власти формировалась на фоне колонизационного процесса. Как замечает В.О. Ключевский, «история России есть история страны, которая колонизируется» [Ключевский, 1993, с. 13]. В этих условиях власть была вынуждена совершать максимум усилий, чтобы устанавливать в горизонте пространственной неопределенности осваиваемых территорий, среди бескрайних русских полей и снегов, вертикальные пределы своих институций. Отсюда и города в России – это прежде всего центры власти¹, и только потом какие угодно другие центры, на-

---

¹ К таким выводам приходят в исследованиях, посвященных проблеме взаимосвязи пространства и власти в России, например, Н.Ю. Замятина и С.А. Королев [Замятина, 1999; Королев, 1997].

пример, торговые или ремесленные. Все остальное пространство привязано к этим центрам и только в таком качестве может существовать. Согласно С.А. Королеву, пространство России имеет структуру звезды, то есть оно организовано через центр, подчинено общим вертикальным императивам власти – это пространство лишено индивидуальных черт [Королев, 1997]. Любая административная единица легитимность своей власти черпает из центра, как бы подключаясь к властной вертикали. Как замечал В. Розанов, каждая губерния в России имела отношение только к Петербургу, а не к соседним губерниям. Причем разделение это – искусственное, а не естественное, не связанное с характером местности и от того *нелепое* [Розанов, 1990, с. 550].

Особенности этих процессов отразились в русском языке, в котором образование этого слова связано с заимствованием из церковнославянского языка вместо слова *волость* [Фасмер, 1986, с. 327]¹. Этимологическая связь со словом *волость* не могла не сказаться на особенностях функционирования концепта *власть* в русской культуре, в которой он имеет, прежде всего, пространственную семантику.

Важно отметить, что пространственная семантика в структуре концепта *власть* не ограничивается чисто локальной. Власть нуждается не только в одном естественном природном пространстве, но требует для себя еще какое-то другое, в котором одни и те же географические объекты могут иметь или не иметь политический смысл. Например, в работах, посвященных такому культурному феномену, как *Запад*, отмечается, что понятие «Восточная Европа» и соответствующее снисходительное отношение к ней появилось только в XVIII столетии благодаря интеллектуальным усилиям философов и не является естественным понятием, т.е. вневременным и эссенциональным [Вульф, 2003]. *Восточная Европа* скорее является объектом так называемых *ментальных карт* [Шенк, 2001], а не географических. Поэтому реализация пространственной семантики концепта *власть* не может быть замещена / исчерпана научной терминологией географии. Природно-географические контуры власти, скорее, есть следствие более фундаментальных пространственных моделей, которые и определяют способы пространственного ориентирования в политическом дискурсе.

В способах политического восприятия пространства задействованы разноразличные средства языка и, прежде всего, пространство осмысливается при помощи следующих бинарных оппозиций: *левый – правый, верх – низ, центр – периферия, Небо – Мир, восток – запад, север – юг* и др. Важнейшей оппозицией современного политического мышления, определяющей ориентационные предпочтения власти, следует считать *правое – левое*. Эти понятия традиционно отражают константные отношения между различными политическими силами: *левое* характеризует радикально настроенные политические силы, *правое*, напротив, есть позиция консерваторов². При более же детальном рассмотрении указанная семантическая определенность исчезает.

---

¹ С 11 века *волость* – «область, земля, находящаяся под одной верховной (княжеской) властью». Со второй половины 19 века до 1928 года под *волостью* понималась «административно-территориальная единица, подразделение уезда в старой России» [Черных, 1999, с. 164]. При этом важно отметить, что формирование первоначального смысла *власти* как *личного владения* территорией неотделимо от истории формирования понятия государства [см. подробнее: Хархордин, 2011].

² «Правое» – это реакция, угнетение народа, Аракчеевщина, подавление свободы мысли и слова, произвол власти; «левое» – это освободительное движение, освященное именами декабристов, Белинского, Герцена, требования законности и уничтожения произвола, отмены цензуры и гонений на иноверцев, забота о нужде низших классов, сочувствие земству и суду присяжных, мечта о конституции. «Правое» есть жестокость, формализм, человеконенавистничество, высокомерие власти; «левое» – человеколюбие, сочувствие всем «униженным и оскорбленным», чувство достоинства человеческой личности, своей и чужой» [Франк, 1972, с. 41].

С одной стороны, нет ясности в ценностно-смысловой определенности *правого* и *левого*. Правые политические партии в результате изменения ценностных установок могут стать левыми, левые правыми, и даже возможно полное смешение *правого* и *левого* (коммунисты говорят о себе: «мы левые, но дело наше правое»).

С другой стороны, *правое* и *левое* осмысляются как возникшие случайно и не претендующие по этой причине на универсальность. В русской политической традиции эта мысль воспроизводится с необыкновенным постоянством. В подтверждение сказанного приведем три примера.

Для С.Л. Франка эти понятия не имеют «всеобъемлющее значение ... вечных “категорий” политической мысли», напротив, они «имеют лишь исторически обусловленный смысл» [Франк, 1972, с. 43]¹. Философ предлагает заменить «истрепанную» оппозицию *правое – левое* другой, соответствующей реальной политической борьбе в России, обозначая ее как *белое – черное*. Эта оппозиция отражает соответственно столкновение между сторонниками свободы и культуры и сторонниками принуждения и «демагогической нивелировки».

Не признает *правое* и *левое* фундаментальными понятиями политического дискурса и С. Кара-Мурза. В небольшой статье «Правое-левое в русской политике» мы находим следующее замечание: «левые и правые – это характеристики момента, а не отношения к главным ценностям. Революционер, сокрушивший тирана и установивший справедливый порядок, обязан превратиться в правого, защищающего этот порядок. Если он остается левым, “перманентным” революционером, то он будет отторгнут. Обществу надо жить, а революция – это крайняя мера, спасение через катастрофу. Так зачем нам рассуждать в понятиях “правые-левые”? Больше пользы от “карты”, полюса которой – фундаментальные ценности» [Кара-Мурза, 2007, с. 62].

А. Дмитриев дает *правому* и *левому* примерно такую же оценку: «С нашей точки зрения значимость исходной пары понятий “левое” и “правое” не является универсальной, а носит исторически определенный характер...» [Дмитриев, 1999, с. 230].

Действительно, возникновение *правого* и *левого* как политических понятий связано с конкретным историческим событием, с Французской революцией 1789 г., когда французские парламентарии сели по правую и левую сторону скамьи, обозначив свои позиции соответственно как монархистов и как революционеров. С одной стороны, мы имеем здесь случайные обстоятельства, но с другой, мы предполагаем, что соотношение политических смыслов, определяемое указанными понятиями, имеет более глубокие основания, несводимые к одному только историческому моменту.

Ценностное преимущество *правого* над *левым*, а также *верха* над *низом* встречается во многих культурах. Универсальность и постоянство таких аксиологических соотношений, их связь со священным хорошо заметны на материале этимологических исследований.

---

¹ С.Л. Франк также отмечает, что «понятия “правого” и “левого” начали становиться все более случайными, шаткими», они теряют «свой былой однозначный смысл», становятся «призрачными и неактуальными» [Франк, 1972, с. 42]. И далее по тексту: «В настоящее время историческая ситуация настолько изменилась, что цельность этих понятий в значительной мере расшатана и сами они поэтому по существу устарели, непригодны для ориентировки в содержании наиболее острых и существенных проблем современности и продолжают господствовать лишь по исторической инерции мысли, проще говоря – по недомыслию» [Там же, с. 49]. Похожие мысли встречаются и в других работах Франка. Например, в шестой главе «Духовных основ общества» он пишет: «“правый” и “левый” путь исхожены, по-видимому, до конца».

Слово *правый* объединяет такие значения, как *прямой, правильный, справедливый, праведный*. Это семантическое единство имеет в своей основе общий и.-е. корень *ргō-*, указывающий направление – *вперед*, причем направление правильное, в виде прямой линии. Слово *левый* родственно лат. *laevus*, которое объединяет значения *левый* и *изогнутый*. Можно сказать, что *прямая линия* в слове *правый* соответствует представлениям о космическом порядке, структурам священного – это ось мира (*axis mundi*), а то, что является отклонением от этой абсолютной космической линии, ее нарушением, отражено в слове *левый*. Особенно заметна эта связь сакрального центра пространства и возможности правильной ориентации в нем в противопоставлении *правды*, этимологически связанной со словом *правый*, и *кривды*. «“Правда” – следование прямой линии, а “кривда” – уклонение от прямой». При этом *правда* оказывается родственной *добру* и *радости* (родственное лат. *probus* означает добрый, честный, порядочный), а *неправда* или *кривда* – *злу* (такие слова как рус. злой, осет. *zūl* *кривой*, авест. *zbaγ-* *идти вкривь* – этимологически тождественны) [Степанов, 2004, с. 462, 463; Фасмер, 1987, с. 352].

Б.А. Успенский отмечает, что семантика слова *правда* связана с представлением о *божественном миропорядке*, а также с идеей договора Бога и человека: *правда* «может пониматься как договор между человеком и Богом, и в этом смысле это слово семантически соотносится со словом *мир* “община”» [Успенский, 1994, с. 191]. Итак, *правда* отражает реальность духовного порядка, который поддерживает порядок земного существования. Для передачи опыта переживания последнего существует понятие *истина*, отражающая не ту реальность, что считается божественной, а потому подлинной, но реальность далекую от *правды*, – не настоящую, мнимую. В другой работе, посвященной исследованию крестного знамения, Б.А. Успенский говорит о том, что *правый* и *левый* в христианстве имеют абсолютный аксиологический смысл и ассоциируются с противопоставлением Бога и дьявола. Бог представляет собой *благое начало* и ориентироваться в сакральном пространстве можно, только занимая какую-нибудь позицию по отношению к Богу как безусловному Центру. В зависимости от позиции: активной или пассивной (ожидаем ли мы Божественной благодати или стремимся к ней), – обрядовая сторона крестного знамения у католиков и православных может различаться, но его смысл остается тем же¹.

Этимологическая основа *правого* и *левого* позволяет соотнести эту оппозицию с отношениями власти. По одной из версий слово *правый* связано с лат. *prōvincia*, первоначальное значение которого – «власть, полномочие» [Фасмер, 1987, с. 352]. В «Константах...» Ю.С. Степанов говорит, что «эквивалентом рус. *правь*, *правый* служит латин. *gestus* с теми же основными значениями. Оно восходит к существительному *rex, regis*, означающему “царь”» [Степанов, 2004, с. 462]. Этимологической основой *rex* является и.-е. корень *reg-* со значениями *прямой, направлять*. Следуя объяснениям Э. Бенвениста, можно заметить эту *прямую линию* у слов, связанных с *reg-*. Например, *regio* – это изначально «точка в движении по прямой», *regula* – «инструмент для проведения прямой линии, линейка», причем *прямая линия* может пониматься не только в физическом смысле, но и в нравственном (как в приведенном выше примере противопоставления *правды* и *кривды*). Проводить такие правильные линии, обозначающие черты правопорядка, отделяющие священное от мирского, может только лицо, находящееся ближе всех

---

¹ «В одном случае (когда крестятся слева направо) имеется в виду обращение человека к Богу, в другом (когда крестятся справа налево) – обращение Бога к человеку; в одном случае человек оказывается активной, в другом – пассивной стороной. У католиков, которые крестятся слева направо, крестное знамение исходит от нас: человек является субъектом действия. У православных оно исходит от Бога: человек является объектом действия» [Успенский, 2004, с. 50].

остальных к священному, к *axis mundi* и поэтому обладающее самой высшей властью. Таким образом, «латинский *tex* должен рассматриваться не столько как самодержец, сколько как человек, проводящий линии границ или прокладывающий путь»; *tex* – скорее жрец, чем царь в современном понимании [Бенвенист, 1995, с. 252].

Противопоставление *правого* и *левого* равнозначно оппозиции *верхнего* и *нижнего*. Например, как замечает Б.А. Успенский, для средневекового христианского мышления было характерно следующее понимание сторон крестного знамения: верх символизирует Небесного Отца, низ обозначает мир, левая сторона – преисподнюю, правая – небо [Успенский, 2004, с. 19, 60, 67].

Слово *верхний* этимологически связано с такими словами, как *вершина*, *возвышение*, *верховный*, а также со словами *темя*, *лучший*, *небо* [Черных, 1999, с. 145]. *Верх* или *вершина* кроме пространственного обозначения может пониматься и как цель нравственного движения человека к моральному совершенству, всей полнотой которого обладает только Бог. Это движение совершается от *низа*, т.е. от того, что совершенством не обладает и чему еще только предстоит его обрести, совершив восхождение.

Итак, ориентационные предпочтения в оппозициях *правый* – *левый* и *верхний* – *нижний*, определены отношениями, которые существуют между Небом и Миром. В этом смысле указанные оппозиции можно определить как топологические способы раскрытия *священного*¹. Понятно, что пространственные отношения, поняты таким образом, характеризуют, прежде всего, мифологическое мышление, для которого они являются универсальными и постоянными. Применительно к политическому измерению *правого* и *левого* это означает, что мифологические ориентационные предпочтения оказываются изначально встроенными в пространство политического дискурса. Но здесь важно сделать одно существенное замечание, касающееся различий между отечественной и западной политическими традициями.

Формы мифологического мышления, создающие специфическую реальность для архаического сознания, которому эти формы представляются необходимыми, истончились в политических конструкциях западных интеллектуалов, лишились онтологической плотности, стали прозрачными, позволяя просвечивать тем смыслам, которые не предполагались мифологической историей. Переставая выражать священное, миф, как например у Р. Барта, может сводиться к форме идеологии и рассматриваться с позиций семиологической системы как один из способов идеологического означивания, как метаязык («Мифологии»).

Есть *миф справа*, говорит Р. Барт, и *миф слева*. В первом случае миф соответствует языку угнетателя, он охватывает все сферы жизни: «Мифы справа откормлены, блестящи по форме, экспансивны, болтливы и способны порождать все новые и новые мифы» [Барт, 1989, с. 118]. Во втором случае миф соответствует языку угнетаемого, у которого есть только революционный язык, так как «он может говорить только о своем освобождении». «Язык одного стремится к переделке мира [миф слева], язык другого – к его увековечению [миф справа]» [Барт, 1989, с. 118]. В политической семиологии Р. Барта оппозиция *правого* и *левого* выдвигается по отношению к идеологическому, а не священному.

В целом для западной политической культуры мифологические константы репрезентации власти в пространстве, выявленные нами в процессе этимологиче-

---

¹ Кроме указанных, существуют и другие оппозиции, отражающие пространственную семантику власти, но на которых мы специально в этой работе не останавливаемся. См., например, замечание С.Ю. Неклюдова: «...именно проекция на государственно-политическое пространство России мифологической оппозиции центр / периферия дает противопоставление “столицы” и “провинции” – одно из важнейших для нашей культуры XVIII – XX веков» [Неклюдов, 2000].

ского анализа, не исчерпывают содержание политического. Из-за специфических социальных процессов, важнейшим из которых является бюрократизация государства, происходит «увядание харизмы» (М. Вебер), «перенос сакрального на социальное» (М. Ямпольский). В результате политическое пространство и мифологическое перестают совпадать¹. В этих условиях оппозиция *левое – правое* начинает постепенно приобретать специфический социальный смысл, и раскол между *левым* и *правым*, – по утверждению, например, историка Ж.Ф. Сиринелли, – вовсе не утратил в XX веке свой исторический смысл и только стал глубже [Сиринелли, 2003].

Иной опыт восприятия *правого* и *левого* мы встречаем в русской политической культуре, где осмысленность этих категорий возникает через их отношение к целостности духовной жизни. Так С. Булгаков в работе «Героизм и подвижничество» пишет: «Наше различие правых и левых отличается тем, что оно имеет предметом своим не только разницу политических идеалов, но и, в подавляющем большинстве, разницу мировоззрений или вер» [Булгаков, 1991, с. 68]. Или у Н. Бердяева находим следующее замечание: «“Правость” или “лево́сть”, монархизм или республиканизм суть совершенно ничтожные и жалкие вещи, вещи третесортные перед лицом Божиим» [Бердяев, 1925, с. 51]. Понятен в этом контексте и уже отмеченный призыв С.Л. Франка «по ту сторону “правого” и “левого”».

Эти различия в понимании *правого* и *левого* так или иначе обусловлены различиями в понимании власти. В русской традиции политическая власть невозможна без поддержки со стороны сакрального, – высшей *духовной власти*. В.С. Соловьев писал об этом так: «...Мирская государственная власть, добровольно признавая высший, чисто нравственный авторитет власти духовной и опираясь на него, сама получала нравственное значение и внутреннюю силу» [Соловьев, 1912, с. 230]. Непроницаемость оснований *русской власти*, густота сакрального в ее природе отмечаются также и современными исследователями. Например, Ю.С. Пивоваров среди особенностей *русской власти* отмечает ее самодержавный и персонифицированный характер, которые отличают ее от моделей власти на Западе. «В нашей стране господствует “самодержавная политическая культура”. Ее ключевая характеристика – властечетричность. Причем “власть” должна писаться с большой буквы – “Власть”. Она главное действующее лицо исторического процесса, в ходе которого лишь меняет свои наименования – царь, император, генсек, президент» [Пивоваров, 2006а, с. 16]. Самодержавная власть «правит вне системы разделения властей; она не просто не вписана туда, но существует в иных измерениях, в иных координатах. Она – субстанция и субстанциональна, “посредствующие власти” – функции и функциональны» [Пивоваров, 2006а, с. 17].

Власть, поддерживаемая Божественным началом, может быть только на правой стороне (одесную Бога). Левая власть – ненастоящая, мнимая, ложная, разрушительная. *Левое* возникает в процессе бунта против Божественной власти. В какой-то момент этот бунт становится социальным, имеющим целью перестроить установленный Богом порядок земного существования. Любопытно отметить,

---

¹ По вопросу о том, как проходил этот процесс, в результате которого родилась политическая публичная сфера с законом вместо царя, см. фундаментальную работу М. Ямпольского «Возвращение Левиафана. Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима». В своем подробном анализе автор раскрывает динамику трансцендентного в становлении политического. В частности он рассматривает проблему формирования в Новое время *политического имманентизма*, когда фигура монарха начинает ассоциироваться «с безличной всеобщностью закона», и как затем, в эпоху Просвещения, *общественный договор* восстанавливает утраченную трансцендентность [Ямпольский, 2004].

что образ морского чудовища, персонификация всех сил зла – Левиафан, который является также и образом государства у Гоббса, предлагающего одну из первых теорий общественного договора, с иврита переводится как «скрученный, свитый», что соответствует, как мы видели, понятию *левый*. Оппозиция *правое – левое* связана, по-видимому, с деградацией сакрального в структуре концепта *власть*, так как она означает, что власть, удерживаемая на правой стороне, теряет свою легитимность, что будущее власти зависит не от Бога, а от дальнейшего соотношения *правых* или *левых* сил в пространстве *политического*. Симптоматичен в этом отношении и отказ в современной западной политической мысли от идеи естественного права во имя уважения к индивидуальности [см. подробнее: Штраус, 2007]. Это означает, что правитель не может отныне опереться на универсальные и всеобщие принципы в своей заботе об общественном строе. Отказ от естественного права неизбежно приводит к пониманию позитивного права как единственно возможного. Власть, основывающаяся на позитивном праве, предполагает не священный договор между Богом и человеком, а скорее договор между человеком и государством, т.е. *общественный договор*.

Власть в России не может основываться только на позитивном праве. Сакральность власти требует бескомпромиссности, право же нуждается в компромиссе многих частных интересов и воле, а также в применении силы по сохранению договора между ними¹. Вот почему, например, в проекте первой российской конституции М.М. Сперанского фигура наследственной императорской власти помещается над системой разделения властей [см. подробнее: Пивоваров, 2006б].

Итак, в русской политической культуре пространственную семантику власти определяют ориентационные константы мифологического мышления (правое и левое, верх и низ, центр и периферия и др.), воспроизводящие отношения между *Небом* и *Миром*. Другие возможные пространственные характеристики власти (например, локативный, директивный, транзитивный и др.), имеют значение только поддерживающих конструкций. Не *русская власть* как-то менялась, организуя пространство, – обеспеченная Божественным началом она не могла меняться по определению, – а само пространство, как в мифе, возникало в местах иерофаней (силовых точках власти). В этом отношении власти не может становиться больше или меньше от захвата новых территорий, но пространство, по возможности бесконечное, необходимо для обеспечения ее универсального, трансцендентного характера. Обратное неверно. Когда такая власть теряет свои территории, ее становится «меньше», так как теряет она, на самом деле, не пространство. Утрачивая способность управлять пространством, власть теряет себя.

Литература

- Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
Бердяев Н.А. Царство Божие и царство кесаря // Путь. 1925. № 1. С. 31–52.
Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 31–72.
Дмитриев А.Н. Политика теории: «левое» и «правое» в социологической классике и современности // Поэтика и политика. Альманах Российско-

---

¹ Как отмечал А. Кожев, власть, сближенная с понятием Божественного, т.е. власть как «возможность действовать бескомпромиссно», существенно отличается от права. Власть и право – родственные феномены, но не тождественные. Одно из основных различий состоит в присутствии или отсутствии реакции. Право, в отличие от власти, может предполагать оппозицию, а, следовательно, и силу как способ восстановления права. А. Кожев пишет: «...нет Права без Суда, нет Суда без Полиции, способной выполнять решения Суда с помощью силы» [Кожев, 2006, с. 18, 19].

- французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.; СПб., 1999. С. 229–270.
- Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
- Замятина Н.Ю. Модели политического пространства // Полис. 1999. № 4 (52). С. 29–41.
- Кара-Мурза С. Правое-левое в русской политике // Константы русской политической культуры. М., 2007. С. 61–62.
- Ключевский В.О. О русской истории: сборник. М., 1993.
- Кожев А. Понятие власти. М., 2006.
- Королев С.А. Бесконечное пространство: гео- и социографические образы власти в России. М., 1997.
- Неклюдов С.Ю. Структура и функции мифа // Мифы и мифология в современной России. М., 2000. С. 17–38.
- Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика (Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита) // Полис. 2006а. № 1. С. 12–32.
- Пивоваров Ю.С. Между казачеством и кнутом (К столетию русской конституции и русского парламента) // Полис. 2006б. № 2. С. 5–26.
- Прозоров В. О семантических горизонтах понятия «власть» // Логос. 2003. № 4–5. С. 58–64.
- Розанов В.В. Русский Нил // Розанов В.В. Сумерки просвещения. М., 1990. С. 525–594.
- Сиринелли Ж.Ф. Деление на правых и левых во Франции: величина постоянная или переменная? // Французский ежегодник 2003: Правые во Франции. М., 2003. С. 3–9.
- Соловьев В.С. О духовной власти в России // Соловьев В.С. Собр. соч.: В 10 т. СПб., 1912. Т. 3. С. 227–242.
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2004.
- Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.). М., 1994.
- Успенский Б.А. Крестное знамение и сакральное пространство: Почему православные крестятся справа налево, а католики – слева направо? М., 2004.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1999. Т. 1.
- Шенк Ф.Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней : Обзор литературы // Новое литературное обозрение. 2001. № 6 (52). С. 42–61.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986. Т. 1.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1987. Т. 3.
- Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого» // Франк С.Л. По ту сторону правого и левого. Paris, 1972. С. 39–59.
- Хархордин О. Основные понятия российской политики. М., 2011.
- Штраус Л. Естественное право и история. М., 2007.
- Ямпольский М. Физиология символического. Кн. 1: Возвращение Левиафана. Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М., 2004.